

Путевые заметки. Индия

*Монгуш М.В.,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Российского института
культурологии*

Индия — страна, где все происходит медленно и не вовремя. Этим она очень напоминает Туву. Поэтому я, тувинка, чувствую себя там уютно. И могу понять наших юношей, которые «заболевают» этой страной и возвращаются туда снова и снова. Знаю нескольких наших ребят, беззаботно слоняющихся по Индии в поисках себя. Когда они обретут свое место под солнцем, никому неизвестно. Да и надо ли им это?

Живя долго в этой стране, невольно начинаешь жить по-индийски. Первое, к чему следует привыкнуть, это то, что поезда здесь постоянно опаздывают. Это вполне нормальное явление, к которому надо относиться по-философски. Мне неоднократно приходилось коротать бессонные ночи на разных индийских вокзалах. Каждая ночь, проведенная в томительном ожидании поезда, становилась для меня романом, который невозможно забыть. Об одном таком романе хочу рассказать подробно. Он произошел на пути из Варанси в Дели. Поезд задерживался неизвестно на сколько. Никаких объявлений и объяснений дожидаться не удалось. Оставалось гадать на кофейной гуще, когда мое брэнное тело окажется в вожделенном вагоне.

На индийских вокзалах, как на любых вокзалах, всегда много народу. А вокзал в Варанси вообще особое место. Здесь люди спят прямо на земле. Со стороны это напоминает поле боя с огромным количеством павших, но каким-то образом продолжа-

ющих дышать людей. Когда индусы засыпают в одной позе, они так и спят до утра. Никаких телодвижений и переворачиваний с бока на бок. Шум и гам, без которого не может существовать ни один вокзал в мире, не мешает упиваться им сладким, почти детским сном.

Я нашла укромное местечко, откуда начала наблюдать за вокзальной жизнью. Вот недалеко от меня молодой индус начал расчищать газетой небольшой клочок земли. Когда он постелил свою простыню, к нему присоединились еще двое ребят, очевидно, его друзья, и они улеглись спать, предварительно распив термос чая и съев несколько лепешек. Какой-то мужчина в лохмотьях, явно не в своем уме, сел напротив меня, вытащил из кармана какой-то пузырек с порошком, понюхал его и впал в экстатическое состояние. Он местный наркоман, а кто же еще? Он, слава Богу, не буйствовал, чего я опасалась. Уставившись в одну точку, он начал произносить пламенную речь, активно при этом жестикулируя руками и притопывая ногами. Никто из прохожих не обращал на него внимания. Это был театр одного актера, но без зрителей. Благодарным «ценителем» его таланта оказалась я, славная дочь тувинского народа. Мужчина упивался своей речью минут 15, затем успокоился, собрал свои пожитки и удалился прочь. Интересно, о чем он так неистово разглагольствовал? Это так и осталась тайной, покрытой мраком индийской ночи.

Тут подошла ко мне нищая девочка и начала кланчить деньги. Зная о том, что на вокзалах подавать нежелательно, я дала ей понять, что ничего от меня не получит. Девочка еще какое-то время выжидала, но потом пошла приставать к уважаемому индусу, который в это время говорил с кем-то по мобильнику. Он просто отошел от нее и продолжал говорить, как ни в чем не бывало.

Вот по перрону прошла большая черная корова. Ее никто не останавливает, она гуляет сама по себе. Интересно, где ее хозяин? Корова в Индии — это целое состояние. Она дает молоко и масло. Если ее забить, то получишь и мясо. Как можно так безответственно отпустить это живое сокровище! А корова тем временем в двух местах оставила большие пометы, от которых начал исходить специфический запах. На это никто не обратил внимания. Здесь на такие вещи не принято реагировать.

А сколько собак слоняется по вокзалу! Увидят, что человек ест что-то, встанут рядом и ждут, когда им кинут остатки еды. Одна собака близко подошла ко мне и полизала руку. Дать ей мне было нечего, едой на дорогу я не запаслась.

Тем временем по радио постоянно объявляют о приходящих и уходящих поездах на двух языках: хинди и английском. О моем поезде скупно упоминают, что он задерживается. Насколько — одному Богу известно. Мужчины, разносчики чая, то и дело кричат наперебой «чай, чай, чай». Желающих выпить чаю не так уж и много, но торговцы предлагают свой товар 24 часа напролет.

Теперь уже по рельсам прошла корова, на этот раз белая и хилая. Как она там оказалась? А если вдруг поезд поедет? Никому до этого нет дела. Удивительная страна Индия! Здесь каждое живое существо занято своим делом, и никто не вправе мешать ему жить той жизнью, какой оно живет.

Вот недалеко в углу какого-то строения пристроился мусульманин. Он неспешно постелил коврик, сел на колени, сложил впереди себя руки ладонями вверх и начал

усердно молиться. Это так называемый вечерний намаз, совершаемый в условиях вокзальной жизни. Для правоверного мусульманина неважно, где он совершает его, важно то, что он не пропускает его. Мужчина так искренне отдавался молитве, что я за компанию с ним начала вслух про себя читать буддийскую мантру Будды Авалокитешвары. Так, на всякий случай. Не помешает в дороге.

Было уже два часа ночи, ужасно хотелось спать. Но проспав свой поезд не хотелось, поэтому усилием воли заставляла себя наблюдать за народной жизнью. Мой сонный мозг, как ни странно, фиксировал все. Особенно крепко запоминались незначительные детали, из которых, в конечном счете, складывалась мозаика вокзальной реальности. Все картинки ярко запечатлевались в памяти. Они были наполнены этническим колоритом.

Опять подошла та же девочка с протянутой рукой. Я демонстративно отвернулась от нее. Самое главное при встрече с нищими и попрошайками — не смотреть им в глаза. Они имеют привычку ловить взгляд и тут же направляются к тебе. Идя по улице, я иногда подаю им, но сидя на вокзале лучше этого не делать. Если я этой девочке дам монету, она сразу же растрезвонит своим, и тогда мне не избежать докучливой толпы местных попрошаек. В данном случае размышления о сострадании и даянии не очень уместны.

Мусульманин тем временем закончил молитву, сложил свой коврик в трубочку, аккуратно сложил его в рюкзак и удалился. По перрону опять прошла большая черная корова. Разносчик чая кричит «чай, чай, чай». На путь, что напротив меня, приходит поезд. Пассажиры вяло выходят из него. Тут же появляется огромная армия носильщиков, которые моментально перехватывают пассажиров с большими багажами. А те и не сопротивляются. Носильщики кладут багаж на свои головы. Если это чемоданы, то складывают их друг на друга. Со стороны зрелище впечатляющее.

Индийские носильщики никогда полными не бывают, они все худые и жилистые. При себе имеют длинную веревку, чтобы в случае необходимости перевязать ею багаж. Цену назначают в зависимости от тяжести груза. Чем тяжелее, тем дороже. Однако в целом они зарабатывают мало, зато здоровья теряют много.

Поезд отошел, пассажиры и носильщики растворились. Я продолжала сидеть в томительном ожидании своего поезда. Рядом со мной спит молодой индус. Обувь он сложил (чтобы не украли) в пакет и подложил под голову вместо подушки. Сам укрылся легкой простыней. Спит как сурок. Чуть подалеже спят те трое ребят. За моей спиной разлегся вокзальный бомж, от него пахло как от конюшни. Я терпела, потому что деваться некуда. Немного подалеже сидели молодые индусы, парни и девушки. Парни активно охмуряли барышень, а те снисходительно принимали их внимание. Им явно не хотелось спать. Они были возбуждены. Молодость — она и в Индии молодость. Недалеко спали три женщины. По их виду было понятно, что они шудры — представители самой низшей касты в Индии. Вдруг у одной из них в подоле что-то зашевелилось: я увидела, как тощий младенец высунул головку. Женщина любовно накрыла его полой грязной сари. Чуть подалеже мужчина сходил по малой нужде. Это происходит в Индии на каждом шагу. Поначалу зрелище шокирует, но постепенно к нему привыкаешь. Как привыкаешь к тому, что мужчины часто теребят себя за причинное место. Зачем они это делают, до сих пор понять не могу. А спросить их об этом я не решаюсь. Вдруг не так поймут.

Наконец-то объявили мой поезд. Я рванулась к своему вагону. Не верилось, что еду в Дели. Казалось, что прирасту намертво к своей смотровой площадке. Накопилась общая усталость, было много впечатлений, которые требовали осмысления. Все это будет потом. А сейчас самое главное — найти свое место в общем вагоне и лечь спать. Как мало путнику надо!

Паломничество

По буддийским святыням Индии

Еще в 1999 году во время личной встречи Его Святейшество Далай-лама XIV, зная о моем профессиональном интересе к буддизму, посоветовал посетить несколько мест, связанных с биографией Будды. Она перечислил их в следующем порядке: Варанаси, Сарнатх, Бодх-Гайя, Кушинагар. Но по объективным причинам осуществить наказ Учителя мне тогда не удалось: сроки визы истекали, накладывались мелкие дела, требовавшие срочного решения и т.д. Однако твердо решила для себя, что в ближайшие пять лет обязательно постараюсь посетить эти святыне места. Эта мысль крепла во мне из года в год и, наконец, оказавшись в Индии во второй раз, отправилась в это, прямо скажем, экстремальное путешествие.

Ехать в одиночку или в паре с кем-то — это не одно и то же, что ехать в группе, где всегда безопасно и на кого-то можно положиться. Чтобы не рисковать, я дождалась приезда в Дхарамсалу моей коллеги из Москвы Лены Строгановой, которая любезно согласилась составить мне компанию в этой поездке.

Нам предстояло проехать по двум крупным штатам — Бихар и Уттар Прадеш. Бывалые люди предупредили, что Бихар — самый бедный регион, где много грабителей, безжалостно обирающих заезжих путников. Это место славится еще и тем, что там ежегодно без вести пропадает несколько десятков иностранцев. Таких же отчаянных, как мы с Леной, решивших причаститься к буддийским святыням. Однако мы понимали, что путь к подобным местам всегда тернист, но это обстоятельство не должно стать камнем преткновения. Наше решение было непоколебимым, и мы двинулись в путь.

Варанаси, Сарнатх

Из Дхарамсалы на рейсовом автобусе мы добрались до города Патанкот, где сели в поезд, направляющийся в Варанаси. Еха-

ли в общем вагоне, где нашими попутчиками были местные жители. Они то и дело расспрашивали, откуда мы и куда едем, есть ли там у нас знакомые и т.д. Всю дорогу угощали нас вкусными индийскими лакомствами, были всегда доброжелательны и предупредительны. Благодаря такой душевной атмосфере долгая и утомительная дорога была перенесена нами сравнительно легко.

В Варанаси мы прибыли ночью, взяли моторикшу и поехали в гостиницу «Санрайз», которую посоветовал нам один из попутчиков. Гостиница оказалась средней, она нас вполне устраивала по цене. В номере было самое необходимое: кровать, душ, туалет. Об излишествах в такой поездке мечтать не приходилось.

Утром мы первым делом направились к берегу священного Ганга, о котором до этого много читали, слышали и видели по фильмам. Здесь мы с Леной по отдельности друг от друга наслаждались общением с этой великой рекой, которая тысячелетиями притягивает к себе людей из разных стран и континентов, в первую очередь, самих индусов, не мыслящих свою жизнь без нее. Ганг для Индии — это все. Сюда приходят как в самые трудные, так и в самые счастливые моменты жизни, чтобы попросить у Ганга защиты, избавления от житейских невзгод, дарования здоровья и долголетия, благополучия и удачи. Я видела, с какой искренностью люди совершают омовение, как усердно они молятся и совершают обряды. Несмотря на огромное скопление народа, здесь каждый человек общался с рекой интимно. Не лишена была этой возможности и я.

На берегу Ганга в равной отдаленности друг от друга находятся три места для кремации. Сколько людей ежедневно приходят в этот мир, столько же покидают его. Поэтому прощальные костры здесь практически не гаснут. Мне пришлось наблюдать этот священный акт, который одновременно совершался с девятью телами усопших. Первое впечатление от увиденного, как ни странно, не было тяжелым. Никто

из родственников умерших не рыдал, не стонал, не причитал. Все было чинно, благородно и в высшей степени выдержанно. Смерть для индусов — это всего лишь переход из одного тела в другое, а раз так, чего горевать. В нужное время и в нужный час человек покидает бренное тело, чтобы обрести новое и продолжить свою духовную эволюцию. Мне, буддистке, эти идеи были вполне понятны.

Однако мне трудно было преодолеть в себе этнографа, которому были интересны все детали, сопровождающие процесс кремации. Поэтому я стала выяснять их у местного гида, который оказался на редкость общительным и знающим. От него я узнала следующее. Когда человек умирает, его тело омывают водой с добавлением сандалового и розового масел, молока и меда. Затем оборачивают тело умершего пять раз белой тканью (что символизирует пять стихий: вода, воздух, дерево, земля, железо), кладут на бамбуковые палки, покрывают вышитыми золотыми нитями покрывалом, обкладывают дровами в несколько слоев и поджигают. Если умирает глава семейства, тело его поджигает старший сын, если мать — младший сын. Если мужчин в семье нет, то это делают братья по боковой линии родства. Женщины в кремации участия не принимают.

Тело усопшего горит несколько часов. У мужчин обычно не сгорает грудная клетка, у женщин — тазобедренные кости. Их вместе с прахом сбрасывают в воды Ганга. В этом я лично узрела законы эволюции: мужчина создан для того, чтобы своей грудью защищать свой род, семью, страну, а женщине даны сильные и широкие бедра, чтобы она рожала здоровое потомство.

В Индии не принято кремировать беременных женщин и детей, умерших до 13 лет, а также прокаженных и тех, кто умер от укуса кобры. Их тела просто предают воде, совершая при этом соответствующие обряды.

Возможно, я и дальше бы слушала рассказ гида, но дым от погребальных костров был таким густым и едким, что глаза

начали слезиться с неимоверной частотой. Это заставило покинуть берег Ганга и отправиться в другие, не менее впечатляющие части Варанаси, этого вечного города, где стирается грань между жизнью и смертью, между прошлым и будущим, где все происходящее кажется иллюзией, обманом, отделяющим нас от настоящей Реальности.

Несмотря на большое количество индуистских храмов, Варанаси известен и своей буддийской святыней. Недалеко от города находится Сарнатх — место, где Будда 2500 лет назад впервые дал своим ученикам Учение о четырех благородных истинах, легших в основу буддийской философии. Оно в литературе известно также под названием Олений парк. Оказалось, что в этом парке действительно водятся олени. Они не крупные, живут небольшими стадами, удивительно изящные и грациозные. За ними присматривают работники парка. Здесь же возведена большая Дхамех ступа высотой 42 метра. Именно на этом месте, как гласят источники, Будда проповедовал свое Учение. Оно окружено небольшими прудами, на которых растут изумительной красоты лотосы.

Олений парк — место удивительно тихое и спокойное. Здесь ум сам по себе приходит в состояние внутреннего покоя, а с этого уровня все видится и воспринимается иначе. Все житейские мелочи, которым мы в повседневной жизни придаем слишком много внимания, здесь кажутся такими незначительными, что невольно начинаешь корить себя за мелочность и суетность собственного бытия. Чтобы не только понять, но и глубоко осознать это, стоило приехать сюда.

Еще до поездки в эти края я разговаривала с Оракулом Далай-ламы XIV. Он посоветовал начать путешествие именно с Варанаси и Сарнатха, так как это поможет правильному восприятию тех духовных знаний, которые разлиты в атмосфере здешних мест.

Бодх-Гайя, Раджгир, Наланда

После трех безумно насыщенных дней, проведенных в Варанаси, мы с Леной отправились дальше. На этот раз наш путь лежал в Бодх-Гайю, куда мы добирались на поезде в течение шести часов. Все было бы прекрасно, если бы наш поезд не задержался на пять часов. Но в Индии такое случается настолько часто, что нет смысла возмущаться по этому поводу. «Если не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней», — советуют в таких случаях мудрые люди.

Бодх-Гайя — место, где сидя под священным деревом Бодхи, Будда достиг просветления. Сегодня оно стало популярным местом для всех буддистов мира. Здесь построен международный аэропорт, куда прилетают самолеты, перевозящие на своем борту паломников из разных стран мира. Особенно активно это происходит во время больших буддийских событий и праздников. Считается, что энергетика данной местности особенно хорошо способствует проведению подобных мероприятий. Сам Далай-лама многократно дает здесь самые разные Учения и Посвящения. За последние 15 лет на них побывало немало россиян.

Для паломников построены шикарные отели со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами. Публика же небогатая может устроиться в скромных гостиничных номерах, которые обычно имеются при буддийских храмах. А храмы в Бодх-Гайе строят в основном японцы, тайцы, ланкийцы, бирманцы, китайцы, тибетцы, бутанцы, т.е. народы, традиционно исповедующие буддизм. В архитектурном облике каждого из них присутствует неповторимый этнический колорит. Японский храм невозможно перепутать с тайским, тайский с бутанским, бутанский с китайским и т.д. Может, в обозримом будущем здесь свои храмы построят тувинцы, калмыки, буряты и монголы. Почему нет? То, что се-

годня кажется маловероятным, завтра может стать реальностью.

Достопримечательностью Бодх-Гайи является буддийский комплекс «Махабодхи», где имеется дерево, под которым на Будду снизошло просветление. Оно окружено цветными ленточками, огорожено железной оградой, а рядом с ним выставлены ступни Будды. Тут же находится храм Маха Бодхи, на внутренних стенах которого изображены самые важные события, произошедшие в жизни Будды Гаутамы.

Другими известными буддийскими местами являются Раджгир и Наланда, до которых мы доехали на джипе, арендованном в одной туристической фирме. Эти две точки мы посетили за один день. Чем они примечательны?

Учение Будды впервые было записано из его уст именно в Раджгире. Здесь он принимал горячие источники, которые даровали ему здоровье и долголетие. Японцы построили в Раджгире красивую белую ступу и храм, в котором идут службы. Поскольку эти буддийские объекты находятся на возвышенности, до них можно добраться как пешком, так и по канатной дороге. Место очень живописное и запоминающееся.

В Наланде находятся руины одного из древнейших университетов мира. В его библиотеках насчитывалось свыше 9 миллионов книг, преподавательский состав состоял из 2 тысяч человек, количество студентов достигало 10 тысяч. В этом университете учился Сидхартха Гаутама до того, как стал Буддой. В 1951 г. в Наланде был открыт Международный центр буддийских исследований.

Вайшали, Кушинагар

Вайшали примечательно тем, что здесь Будда дал свою последнюю проповедь, прежде чем уйти в Панинирвану. Сто лет спустя после его ухода последователи буддизма впервые разработали здесь этические нормы для монашества, известные под названием Винаи.

Вайшали известно также как место, где красивая танцовщица и куртизанка по имени Амрапали, услышав из уст Будды его Учение, в знак глубокой признательности преподнесла ему цветок манго. Впоследствии она стала бхикшу, т.е. монашкой.

Последней точкой нашего затянувшегося путешествия стал Кушинагар. Чем знаменательно это место для паломников? Здесь Будда провел много времени в медитации. Прежде чем покинуть тело, он дал последнюю проповедь, которая известна как Панинирвана сутра. Его святое тело было кремировано по правилам, предусмотренным для царствующих особ. Прах его был разделен на восемь частей и роздан восьми царям.

Известно, что шесть предыдущих жизней Будда прожил как Бодхистаттва в облике различных живых существ. Его последним учеником был брамин Шубхадра, проживший 120 лет и достигший состояния Архата.

И снова Варанаси

После всего увиденного и услышанного я почувствовала некоторое облегчение. Казалось, наказ Его Святейшества исполнен сполна, хотя до полного осмысления материала еще очень далеко. Для этого потребуется время.

На обратном пути мы остановились в Варанаси. Город уже казался привычно знакомым. На прощание мы с Леной зашли в лавку, где торговали шелковыми изделиями местного производства. Моя напарница стала примерять всевозможные платки и шарфы, а я забила в угол и начала неспешно следить за всем происходящим. Хозяин лавки очень ненавязчиво «толкал» товар, Лена отзывчиво откликнулась на его предложения. Нам предложили выпить чаю, что было уместно в данной ситуации.

Неожиданно прямо перед нами пронесли на носилках тело покойника. Процессия направлялась к Гангу. Хозяин лавки без эмоций прокомментировал: я такое вижу каждый день, а иногда по несколько

раз. Когда-то и меня понесут туда... Сколько мудрости было в его словах.

Когда в Варанаси живешь долго, атмосфера, царящая в городе, невольно способствует более глубокому пониманию того, что за рождением следует смерть, за встречей — расставание, за накоплением — истощение, за взлетом — падение. И все эти феномены пронизаны страданием. Эти вечные истины когда-то Будда Шакьямуни впервые произнес именно здесь.

Личное наблюдение

Проси дитя и ты получишь...

Индия — удивительная страна, где заезжий иностранец в любую минуту может стать свидетелем необычного действия, смысл и значение которого сходу невозможно уловить, но, проявив настойчивость и здоровую любознательность, вполне может удовлетворить свой интерес.

Попав в Варанси, я неожиданно оказалась в толпе людей, преимущественно женщин, которые плотными рядами двигались в одном направлении. Многие несли на руках маленьких детей. Некоторых женщин сопровождали мужчины, явно их мужья, потому что так нежно обращаться с ними могли только они. Выйти из этого окружения было невозможно, разумнее было двигаться вместе со всеми и по ходу уточнять, куда же я попала и куда меня несет.

По общей атмосфере почувствовала, что эти люди ничего плохого не замышляют, их объединяет нечто общее, что заставляет так несокрушимо двигаться в одном потоке. Шума и гама, присущего обычно такой толпе, как ни странно, не было. Люди мало разговаривали между собой, не обращали внимания друг на друга, но в то же время проявляли невероятную терпимость по отношению друг к другу. Мой заморский вид никого не смущал, более того, мне даже оказывали знаки внимания, давая понять, куда я должна двигаться и что делать. Я была, пожалуй, единственной иностранкой, которую ветер кармы прибил к этой толпе.

Покорно двигаясь в потоке, я оказалась у врат какого-то индуистского храма. В голубе пробежала мысль: я иду на какой-то праздник. «Куда мы идем?», — спросила я молодую женщину, в руках у которой увидела небольшой букет белых цветов. «Мы идем к святому источнику, нам надо войти в него и попросить даровать дитя. Моей сестре помогло, она родила сына», — ответила женщина и лукаво спросила меня: «А ты кого хочешь? Мальчика или девочку?» «Не имеет значения», — ответила я, быстренько сообразив, что оказалась среди женщин, для которых долгожданное материнство по каким-то причинам не наступает.

Поймала себя на мысли, как важно уметь в нужное время и в нужный час оказываться на нужном месте. Тут во мне заговорил заядлый полевик-исследователь. «Ты находишься в прекрасном этнографическом материале. Это один шанс из тысячи. Фиксируй и запоминай все», — сказала я себе и двинулась к источнику. Путь к нему оказался тернистым и долгим. Мы шли какими-то закоулками, на нашем пути часто встречались большие неподвижные коровы, которых надо было терпеливо обходить, а они еще и норовили испражняться прямо перед твоим носом.

Событие, в которое я была вовлечена, происходит всего один раз в год. Для бездетных пар этот день становится настоящим подарком, которого они долго ждали. Говорят, что воды источника только раз в год источают энергию, дарующую женщине материнство, мужчине — отцовство. Люди свято верят, что искупавшись в нем именно в этот день, они получают благословение на здоровое и счастливое потомство не только в этой жизни, но и в последующей. Эта непоколебимая людская вера буквально витала в воздухе, она казалась почти материальной.

Вскоре мы вошли в какое-то кругообразное сооружение под открытым небом, где были лестницы с разных сторон. Одна из них вела вниз и почему-то все устремля-

лись туда. Я остановилась и стала наблюдать за остальными. По этой лестнице в основном спускались женщины, но были среди них и мужчины, однако их было немного. Оказалось, она вела к источнику, который находился в глубине сооружения. Люди входили в него, просили о сокровенном, совершали омовение, снимали с себя одежду и оставляли ее тут же, возле источника. А выйдя из него, одевали новую одежду, что символизировало расставание с состоянием бездетности. Затем все направлялись к храму и делали жертвоприношения. Там всем раздавали по горстку риса, заправленный овощами.

Из-за профессионального интереса я бы рискнула со всеми вместе спуститься к источнику, если бы имела при себе комплект новой одежды. За не имением этого, ограничилась лишь наблюдением. Все происходившее я находила интересным для себя.

Надо было видеть лица тех, кто искупался в этом источнике. Люди выходили оттуда такие счастливые и сияющие, что никаких сомнений не было: их желания исполнятся в самое ближайшее время. Одна молодая пара с удовольствием поведала мне свою историю. Поженились они три года назад по сговору родителей, что в Индии считается вполне нормальным явлением. Долгожданного пополнения не наступало. Тогда родственники посоветовали им искупаться в святом источнике. Пара специально приехала с этой целью из далекой деревни.

Женщины, которые имели при себе маленьких детей, пришли сюда в надежде еще раз родить, ибо многодетность считается показателем социальной полноценности. Мужчины же, участвующие в действе, знали о своем бесплодии, они не считали зазорным обнародовать свою проблему. В желании иметь потомство они нисколько не уступали прекрасной половине человечества.

Для восточных людей стать матерью и отцом сродни почти священному акту. На Востоке принято впервые встретив незна-

комца, спросить, сколько у него детей, и только потом интересуются всем остальным. Поэтому рождению детей здесь придается особенное значение.

На обратном пути, возвращаясь в отель, вспомнила специализированную клинику на окраине Кембриджа, которую британские власти построили для своих граждан, страдающих бесплодием. Ее пациентами, как мне помнится, были не столько англичане, сколько выходцы из Азии, большинство из которых индусы. Они селились рядом с клиникой, жили во временных автотрейлерах до тех пор, пока не наступала долгожданная беременность. Они проводили здесь месяцы и годы упорного лечения, тратя неимоверно большие средства.

Их соотечественники, не имеющие возможности выехать за границу, приезжают в Варанаси. В этом священном городе все сокровенные желания человека имеют свойство воплощаться в жизнь.

Об этом полезно знать

Тибетские мачо в поисках заморских невест

Когда я была в Индии еще в 1999 году, некоторые знакомые задавали мне вопрос, смысл которого дошел до меня только в 2005 году, во время вторичного пребывания в стране. Вопрос звучал нехитро: к тебе кто-нибудь приставал? Я не совсем понимала, о каком приставании вообще идет речь. Ведь к человеку можно пристать где угодно и как угодно: на рынке, на дискотеке, на улице, в общественном транспорте и т.д. И причин, побуждающих к этому, может быть сколько угодно.

Помню, еще тогда моя соседка Бригита Нельсен из Германии, к тому времени прожившая в стране три года, с некоторым недоумением сетовала, что многие иностранки, приезжающие в Дхарамсалу, пускаются во все тяжкие с местными мачо, большинство из которых обычно бывают тибетцами. «Что в этом особенного?», — негодовала я. «А то, что тибетцы всеми правдами и неправдами хотят использовать этих женщин, чтобы выехать на Запад», — терпели-

во объясняла мне Бригита. «А у нас в России этим промышляют женщины, они так ловко охмуряют заезжих особей мужского пола, что те, потеряв всякую бдительность, попадают в расставленные сети», — пыталась продолжить тему я.

Однако надо признать, что в теме этой я разбиралась тогда плохо, да и не особо хотела вникать в нее. Мне казалось, что есть более интересные вещи, достойные внимания. Между тем мне рассказывали о жутких страстях, бушевавших между представителями разных культур. Самым распространенным сюжетом был обычно роман, возникший между европейской барышней и местным буддийским монахом, обремененным, как правило, обетом безбрачия. В таких случаях, по меркам местной морали, падение совершают обе стороны. Барышня, соблазнившая монаха, и монах, нарушивший свой обет. Буддисты классифицируют это как накопленные отрицательной кармы.

Такие истории обычно начинаются вполне невинно: иностранка, обуреваемая интересом к буддизму и приехавшая в Индию, как ей кажется, в поисках духовного наставника, находит такового в лице самого рядового монаха. Монах, искренне движимый желанием дать Учение заморской гостье, в процессе общения незаметно для себя скатывается к банальному сексу. Ясно, что после такого грехопадения они уже не Учитель и ученик, а обычные мужчина и женщина. И их отношениям ничто человеческое не чуждо.

Выруливают из такой ситуации все по-разному. Монах может искренне раскаяться в содеянном и добровольно сложить с себя обеты, что вполне допустимо в буддизме. Барышня собирает свои пожитки и сматывается на свой дикий Запад, все равно она в этих краях птица залетная. Но иногда случаются и браки. В таких случаях падший монах облачается в европейское одеяние и уезжает со своей избранницей на ее историческую родину. Вряд ли в этом случае можно говорить о выгоде и расчете с той или иной стороны. Это обычная страсть,

захлестнувшая двух людей, страсть, от которой помутился рассудок. Такое происходит сплошь и рядом.

Совсем другое дело, когда тибетский юноша вполне сознательно и целенаправленно охотится за невестой-иностранкой. Что заставляет его идти на это? Ответ предельно прост: иностранная жена — прекрасное транспортное средство, благодаря которому можно перебраться в другую, более благополучную страну. При этом тибетский мачо никаких особых завышенных требований ни к себе, ни к своей избраннице не предъявляет. Сам он может быть необразованным или малообразованным, диковатым и неотесанным. Единственное его преимущество — это экзотичность, которая часто проявляется внешне: длинные роскошные волосы, мускулистое смуглое тело, невероятная выносливость, прямой открытый взгляд. Все это способно заморозить самую изысканную западную женщину, которой порядком надоели рафинированные мужчины из ее этнической среды. Человеку свойственно поддаваться тривиальным искушениям.

На удочку тибетских мачо попадают и наши соотечественницы. Еще в 1999 году моя приятельница Лариса К. познакомилась с парнем по имени Тукче. Он был на десять лет моложе ее, однако это ни ее, ни его не смущало. Лариса упоенно рассказывала о своем новоиспеченном друге, а я даже не пыталась понять, что она в нем нашла, поскольку была озабочена проблемами своего отъезда.

Вернувшись в Индию во второй раз, я вновь встретилась с Ларисой, которая за эти годы не покидала страну. Тукче уже рядом с ней не было. Как выяснилось, молодой тибетец очень надеялся выехать вместе с Ларисой в Россию, но она не собиралась возвращаться на родину, предпочитая жить в Индии. Когда Тукче стало об этом известно, он не стал терять время и быстро ретировался. Лариса так и говорит: я не оправдала его ожиданий, он спал и видел себя в России.

Другая история произошла с Людмилой Ф. из Москвы. Она жила в доме своего гуру, когда у нее случился роман с местным тибетцем. Говорят, что Учитель деликатно советовал ей не связываться с этим человеком. Но разве женщина способна услышать, когда ослеплена сансарическими страстями! Переживая их так, как это свойственно славянской душе, Людмила просрочила индийскую визу. Однажды ее кавалер на почве ревности устроил драку. Пришлось вызвать полицию, которая арестовала не только дебошира, но и Людмилу за нарушение визового режима. Ее поместили в индийскую тюрьму, где она провела несколько месяцев. Люди, знавшие несостоявшегося Людиного жениха, уверяли, что это была не первая иностранка, за которой он охотился с целью выезда из страны. Видимо, буйный нрав мешал доводить задуманное до логического завершения. Он срывался на полпути к достижению «высокой» цели. Его российскую памию впоследствии депортировали из страны без права повторного въезда.

После этих историй я наконец-то поняла, что имелось в виду, когда спрашивали, не пристава ли ко мне кто-нибудь. В памяти всплыли два эпизода, которым я до этого не придавала никакого значения. Первый произошел в автобусе, когда я ехала из Дели в Дхарамсалу. Со мной тогда ехала мама. Рядом со мной сидел молодой тибетец, очень крупный, породистый мужчина, который начал неуклюже хватать меня за руку и страстно прижимать ее к своей груди. Мне это жутко не понравилось, я в этом узрела дикую азиатчину. Срочно попросила маму сесть между мной и им, что она и сделала. К маме пристать он не мог по определению. На Востоке традиционно принято уважать старших.

Второй эпизод был связан с поваренком, который работал в храме Оракула Нейчунги, куда я часто навещалась. Его звали Тубтенем, внешне он напоминал пупсика, которым я играла в детстве. Он стал оказывать мне назойливые знаки внимания, которые заставили выстроить дистанцию.

Когда пожаловалась на него своей российской подруге Вере, она, не мудрствуя лукаво, изрекла: «Это комплекс». «Надеюсь, не мой?» — решила уточнить я. «Конечно, не твой. Здесь тибетцы липнут к иностранкам со страшной силой», — ответила она, вероятно, вспомнив нечто подобное из своей практики. Однако теперь, понимая суть этого явления, я не стала бы называть это «комплексом», а предпочла бы более точное выражение — «холодный расчет».

Оказавшись в храме Оракула во второй приезд, с радостью обнаружила, что того поваренка уже нет. Наверное, его увезла с собой какая-нибудь иностранка. Так я обнаружила свою непригодность в качестве транспортного средства. Это открытие, честно признаюсь, меня приятно обрадовало.

Когда одна американка сообщила, что выходит замуж за тибетца, я спросила ее: что он будет делать в Америке? На мой вопрос она ответила вопросом: а что он будет делать в Индии? Между тем статистика показывает, что подавляющее большинство таких браков распадается. Отношения, построенные на желании использовать другого человека с целью устроить себе более роскошную жизнь, будущего не имеют.

В Америку любой ценой

Есть русская поговорка: «рыба ищет где глубже, человек где лучше». Эта истина в проверке не нуждается. Я в этом убедилась, находясь среди тибетцев в Индии. Они чем-то напомнили моих соотечественников, покидавших Россию в начале 1990-х годов, когда положение в стране резко ухудшилось. Повальная инфляция, безработица, неустроенность, этнические конфликты заставляли людей покидать страну.

Любому человеку присуще желание жить счастливо и полноценно, но каждый идет к этой цели своим путем. В особо кризисные периоды это желание трансформируется в некую навязчивую идею, которая овладевает массами и толкает к опреде-

ленным действиям, не всегда достойным и благовидным.

Не секрет, что тибетцы сегодня являются народом-изгоем. В поисках лучшей доли они осваивают другие страны и континенты. В пригороде Дхарамсалы есть так называемая транзитная школа для беженцев. Само название уже о многом говорит. Сюда приходят те, кто пешком пересек индийско-китайскую границу в надежде обрести здесь новую жизнь. Первое слово, которое они произносят, оказавшись на индийской земле, это Ари, т.е. Америка. Индия для них всего лишь перевалочный пункт.

Америка — предел мечтаний любого тибетца, каждый желает всеми правдами и неправдами попасть в эту райскую, как ему кажется, обитель. Для многих трамплином в вожделенную Америку становится именно эта транзитная школа, где вчерашних скотоводов-кочевников «переплавляют» в нечто более цивилизованное, приемлемое для американского и западного общества.

В транзитной школе тибетцев из Тибета учат всему заново: как держать ложку и вилку, как правильно пользоваться предметами личной гигиены, как обращаться со средствами контрацепции, как разговаривать с незнакомыми людьми, как правильно носить одежду (им упорно объясняют, что галстук не сочетается со спортивной обувью). Основной упор делается на английский язык, здесь его изучают в особо интенсивном режиме.

Тибетцы, которые родились и выросли в Индии, сильно отличаются от тибетцев из Тибета. Даже внешне их можно отличить без труда. Первые более холенные, ухоженные, у них и кожа светлее и манера держаться более изысканная. Вторые диковатые, грубые, неотесанные. Посмотришь на них, и первая мысль, которая приходит в голову — это дети природы.

Между тибетцами Индии и тибетцами Тибета нет особого притяжения. Первые сторонятся последних, последние изо всех сил пытаются интегрироваться в совре-

менное общество, в котором они пока мало что понимают. Вчерашнему скотоводу, жившему среди яков и овец, не так-то легко в одночасье сделаться цивилизованным человеком. Для этого нужны время и определенные усилия. Россияне, живущие в Дхарамсале давно, рассказывали мне, что у индийских тибетцев есть своеобразная форма утрашения, по которой можно судить, как они относятся к «оригинальной части» своего этноса. Когда мать хочет сделать внушение провинившейся дочери, обычно говорит ей в сердцах: «Вот выйдешь замуж за тибетца из Тибета, и никакой жизни тебе не будет!» Это звучит почти как проклятие.

Однако тех и других тибетцев объединяет одно желание — они любой ценой хотят выехать в Америку. В этом они проявляют исключительную солидарность. Те и другие идут к заветной цели неотступно, проявляя порою не самые лучшие черты характера.

Правительство Америки ежегодно принимает несколько сот тибетцев на льготных условиях. Некоторые страны Европы также предоставляют им квоты для въезда в страну. Тибетцы годами стоят в очередях, чтобы получить долгожданную «зеленую карту». Одна молодая тибетянка, чтобы ускорить свой отъезд, подделала документы и сдала их на рассмотрение миграционной комиссии. Там ее вопрос решили положительно и выдали французскую визу. Девушка от счастья была на седьмом небе. Только в аэропорту в Париже обнаружили, что документы у нее фальшивые. Ее тут же очередным рейсом отправили обратно в Индию. На этой почве у нее произошел нервный срыв.

Многие молодые тибетцы, зная, что буддийским монахам намного легче получить «зеленую карту», начинают «косить» под них. Они наголо стригут волосы, одевают монашескую одежду и невинно предстают перед членами миграционной комиссии. А те, будучи не простофилями, просят их снять с себя одежду и одеть ее

снова при них. Не имея снаровки, это сделать практически невозможно. Поэтому несостоявшиеся распространители Дхармы терпят поражение и тем самым выносят себе приговор.

Есть другой, более надежный способ выехать в другую страну. Это брак с иностранцем или иностранкой. В этом случае процедура оформления документов значительно облегчается. Молодые тибетцы более активны, они смело атакуют заезжих инжи, т.е. белых женщин, быстро охмуряют их и ведут под венец. Я знала трех тибетцев, женившихся на иностранках. Один женился на новозеландке, второй — на израильянке, третий — на финке. Все иностранки родили тибетским мужьям по ребенку. Мужественные женщины, ничего не скажешь.

Однажды в ожидании рейсового автобуса, отъезжающего из Дхарамсалы в Дели, я оказалась свидетельницей проводов одной интернациональной пары. Она была самой обычной европейской девушкой, а он — тибетцем, вытянувшим счастливый билет. Это было видно по его поведению: он сиял от счастья, держался самонадеянно, даже вычурно нагло. Было в этом что-то недалекое и ограниченное. Друзья, которые пришли провожать этого задиру, наверняка втайне хотели бы оказаться на его месте. Когда автобус начал отходить, они подарили молодоженам белые хадаки. Со стороны все выглядело мило и трогательно. Но кто знает, что ждет эту пару в будущем.

Те тибетцы, которым удалось выехать и обосноваться в Америке или на Западе, считаются высшей кастой. Им завидуют, с ними хотят поддерживать отношения, к ним хотят поехать в гости менее удачливые сородичи. Хотя нельзя сказать, что им особенно повезло на чужбине. Они там обычно работают грузчиками, разносчиками пиццы, официантами при дешевых барах и кафе, моют посуду, чистят и убирают улицы. Даже ламы-геше, которых в традиционном тибетском обществе очень

почитают и уважают, за границей становятся обычными черноработными. Однако при этом ни один тибетец, осевший за рубежом, ни при каких обстоятельствах не возвращается обратно в Тибет или Индию. Вкусив плоды цивилизации, он уже не в силах отказаться от них.

Заметки этнографа

Королевство в Гималаях

Когда долго живешь в Индии, невольно возникает соблазн посетить соседний Непал — миниатюрное королевство в Гималаях, которое открыло себя миру сравнительно недавно. Сегодня это довольно популярная страна, которую облюбовали туристы со всех концов света. Сюда приезжают паломники с целью посетить святыне индуистские и буддийские места, а также любители водных и горных путешествий, поскольку Непал со всех сторон опоясан величественными горными хребтами, которые непременно хочется покорить, а стремительные горные реки неудержимо манят окунуться в свои воды.

Для меня Непал — прежде всего страна, где много буддийских святынь, и это обстоятельство очень привлекало. С другой стороны, я знала, что жители этой страны по своему антропологическому типу, истории, культуре, религии, языку неоднородны, что для этнографа всегда интересно. Одним словом, я нашла веские причины, чтобы поехать в Непал. На дворе был октябрь, самый разгар бархатного сезона — позади остались мусонные дожди, а до наступления зимних холодов еще далеко.

Катманду и его жители

В Катманду я прилетела в 16 часов. К своему удивлению обнаружила, что разница во времени между непальской столицей и Дели составляет всего 20 минут. На всякий случай переставила часы. Международный аэропорт оказался маленьким, уютным и чистым. Заплатила за визу 30 долларов, взяла такси и доехала до района Тамил.

Тамил — известное среди туристов место, здесь много самых разных отелей и гест хаусов. Устроилась в отеле с романтическим названием «Королевская обитель». Номер в сутки стоил 100 непальских рупий, что по местным меркам недорого. Номер с телефоном и телевизором стоит 250–350 рупий. Я в таких излишествах не нуждалась.

Первым делом обратила внимание на антропологический тип местных жителей, который заметно отличался от индийского. Здесь чувствовалось сильное азиатское влияние. Меня принимали за японку, китайянку, тайку, бутанку, малазийку, индонезийку, тайваньку. Я почти соглашалась на все варианты, лишь изредка говорила, что из России. «Вы не похожи на русскую», — обычно отвечали мне. Тогда приходилось объяснять, что в России проживают люди разных национальностей, в том числе и тувинцы. Тува — это было уже за пределами понимания.

Катманду находится в очень живописной долине, окруженной ожерельем голубых гор. Никто не мог сказать мне, какое здесь население. Создалось впечатление, что переписи населения здесь не вели последние 20 лет. Столицу Непала с большой натяжкой можно отнести к числу больших городов Азии. Скорее это средний город, более чистый по сравнению с теми же индийскими городами. Здесь нет высоких зданий, все дома трех или пятиэтажные. Улицы узенькие, по ним курсируют такси и небольшие автобусы, которые называются тук-тук, это что-то вроде наших маршруток, только в чисто азиатском исполнении — миниатюрные и трехколесные. Велорикши обслуживают в основном туристические районы, моторикш нет вовсе, потому что выхлопные газы от них загрязняют атмосферу. Уличных попрошайек сравнительно мало, они не такие назойливые, как их индийские собратья по ремеслу.

Небольших магазинов и торговых лавочек здесь несметное количество. Всяких и разных. Продуктовые магазины вполне на уровне. Там и витрины приличные и

ассортимент товаров довольно большой. В отличие от Индии имеется широкий выбор алкогольных напитков, в том числе импортных вин высокого качества. Видела наш российский портвейн и шампанское. Все они стоят дорого. Вообще продукты питания в Непале намного дороже, чем в Индии.

Ювелирные лавки изобилуют всевозможными украшениями, отделанными драгоценными и полудрагоценными камнями. Они стоят не так дорого, однако их дизайн либо слишком простоват, либо чрезмерно накручен. В условиях России они не всегда будут хорошо смотреться. То же самое относится к одежде, выпускаемой в этой стране. Она всегда удивительно небрежно отделана. То, в чем ходят местные жители, в лучшем случае можно носить в домашних условиях в России. Я видела на одном нашем соотечественнике хлопчатобумажные штаны и рубашку местного производства. Если бы он в таком виде прошелся по улицам российского города, его приняли бы за сбежавшего пациента какой-нибудь захудалой больницы.

Закусочных, кафе и ресторанов в Катманду достаточно много, но готовят в них невкусно. За время, проведенное в стране, мне ни разу не удалось по-настоящему вкусно поесть. Будучи неприветливой в еде, я довольствовалась скудным набором местных блюд: момо, супы, рис, лепешки.

Сами непальцы в целом очень открытые и доброжелательные люди. Лишь изредка встречались диковатые экземпляры. Когда обращалась к ним с вопросом, как пройти до такой-то улицы, они тупо смотрели на меня и упорно молчали. Это был полный мрак! Тогда обязательно подбегал кто-нибудь другой и показывал дорогу. Безучастными оставаться здесь не принято.

Непальские женщины употребляют косметику гораздо чаще, чем индийские. У многих из них глаза имеют миндалевидную форму. Когда их изящно подводят, они становятся очень выразительными. В них хочется утонуть. Недаром поэты воспевали

глаза восточных красавиц. Дамы предпочитают также маникюр на руках и ногах. Губной помадой пользуются тоже многие. Наиболее часто встречаемые цвета сари — красный, желтый, оранжевый.

Много раз видела влюбленных, укромно сидящих в скверах парка или просто на улицах. Романтические отношения здесь не скрывают, но в то же время вычурно не подчеркивают. Все в пределах допустимой нормы. В Индии такого никогда не увидишь. Там родители молодых договариваются и устраивают сначала помолвку, затем свадьбу. Никаких предварительных ухаживаний и вздохов при луне. Хотя в Непале тоже принято, чтобы родители определяли выбор будущего партнера для своих детей, сами молодые гораздо активнее проявляют самостоятельность в этом вопросе. И наверно правильно делают.

В Непале, как, впрочем, и в Индии, время течет совсем иначе. Здесь день длится как вечность. И люди живут в соответственном ритме. Для западного человека вряд ли такой темп был бы приемлем. Тувинцам же наверняка бы здесь понравилось, потому что мы такие же ленивые и медлительные. Если бы я в свое время не училась в Питере и Москве, не имела бы опыта жизни на Западе, наверняка, была бы такой же ленивой, заторможенной, вялой и, как бы сказал мой любимый племянник Андрюша, отстойной.

Однажды полдня я провела на Дабар сквере. Это старая часть Катманду, место очень красивое, живописное, колоритное. Здесь преобладает архитектура Юго-Восточной Азии: все храмы построены из красного кирпича в стиле пагоды, с пирамидальными крышами в несколько этажей. Было много иностранцев, но еще больше местных жителей. Они часами напролет сидели на улицах и наблюдали за мимо проходящей жизнью. Они ничего не делали, никуда не спешили, а просто созерцали. Было видно, что это состояние никаких дискомфортных чувств им не доставляет. Когда садилась рядом с

ними, они ненавязчиво вступали в разговор: вы откуда, мадам? У вас есть дети? У вас есть муж? Вам сколько лет? Последний вопрос задавался без зазрения совести. Я поняла: у непальцев совсем другие этикетные нормы.

Буддийские святыни

В Катманду я посетила известные буддийские святыни: Обезьяний храм, Будданатх Ступу и Пашупатинатх. До первого места добиралась пешком, до второго и третьего на общественном транспорте. Парень-кондуктор пытался с меня взять 30 рупий, хотя на самом деле это стоит всего 10 рупий. Я ему сунула 10 рупий и сказала: не наглей, я хорошо знаю здешние цены. Конечно, я предварительно уточнила, что сколько стоит. Парень даже не стал спорить со мной. В бедных странах с иностранцев всегда пытаются взять сумму вдвое, а то и втрое больше, поэтому надо проявлять разумную бдительность, не переходящую в скряжничество. Это нормальный инстинкт самосохранения.

Обезьяний храм полностью оправдывает свое название. Обезьян там несметное количество. Слава Богу, они не пристают к прохожим, иначе от них не было бы спасу. В этом небольшом комплексе особенно запоминаются три ступы. Их изображения, которые часто можно видеть на открытках, буклетах, журналах, являются своего рода визитной карточкой Катманду. Храм находится на возвышенности, откуда обозревается весь город. Зрелище невероятно красивое.

Внутри комплекса есть также несколько маленьких храмов. Возле каждого из них имеются небольшие сувенирные магазинчики, торговцы которых неустанно зазывают клиентов. Цены здесь завышенные, поэтому торг надо вести до победного конца. Это целое искусство, требующее такта, терпения, понимания, чувства юмора как со стороны продавца, так и покупателя.

Храмы больше напоминают индуистские, нежели буддийские. Местные жи-

тели делают в них жертвоприношения, а иностранцы заходят просто посмотреть и снимать. Особо трепетных чувств в них я не испытала. Очевидно, большой поток туристов наложил свой отпечаток: место стало обыденным, лишенным таинственности. Возле храма, якобы дарующего состояние самадхи, я обнаружила использованный презерватив. Надо же, кого-то приспичило исполнить акт в таком месте.

Будданатх Ступа возвышается в другой части Катманду. Это огромная белая ступа окружена небольшими храмами, отелями и магазинчиками. Место очень бойкой торговли. Уединиться можно только забравшись на самую ступу. К ней ведут специальные лестницы.

В Пашупатинатх невольно стала свидетельницей процедуры кремации. В тот день кремировали 6 человек. Судя по тому, как это делали, у всех умерших был разный достаток. Это было нечто иное, чем видела на Ганге в Варанаси. Если в Индии женщины не участвуют в кремации, то в Непале они омывали тело умершей родственницы. Умерших мужчин одевали в белое одеяние, женщин — в красное. Тело обходили три раза по направлению солнца, затем клали на носилки и несли к месту кремации. Самый почетный родственник поджигал дрова. Поднимался едкий дым, от которого начинали слезиться глаза. Громко плакать не принято, однако горестные всхлипывания то и дело доносились.

Местные ротозеи, в том числе заезжие иностранцы наблюдали процедуру со стороны. Тут же гуляли молодые влюбленные парочки и родители с маленькими детьми. Жизнь не останавливалась ни на секунду. Одни покидали этот мир, другие продолжали прибывать в нем. И все это происходило в одном месте.

Ни печали, ни отвращения, ни разочарования от жизни, от увиденного я не испытала. Напротив, было ощущение полного принятия жизни такой, какая она есть. Она не мною придумана, и не мне ее отменять.

В кашмирской лавке

Запомнился мне торговец одной лавки. Звали его Шавкат. Это был мужчина средних лет, плотного телосложения, с горящими глазами, немного хитроватый, но в то же время весьма добродушный. Эдакий распространенный типаж на Востоке. Он был выходцем из Кашмира, мусульманин-суннит. В его магазине чего только не было. Особенно запомнились ковровые изделия различных расцветок и размеров. Они были изумительные. Ковер из шелка выглядел просто фантастично. Его ткут, как объяснил Шавкат, в течение одного года. Ковер из шерсти также был чудесен, на него ушло гораздо меньше времени — всего 2 месяца. Они все ручной работы, поэтому стоят дорого. Что-то в пределах 1000-2000 американских долларов за изделие среднего размера. Для богатых иностранцев это не сумма.

Мне надо было для знакомой купить слоника на память. Выбрав самого очаровательного из богатой коллекции слоновьего стада, я начала вести торг. Правила хорошего тона предписывают делать это в обязательном порядке, иначе продавец будет разочарован и раздосадован. Торг незаметно перешел в общение, Шавкат налил мне чаю. Это означало, что цена, на которой мы остановились, его вполне устраивает.

Далее кашмирский торговец начал заигрывать и строить глазки. Чего вы хотите? Это же восточный мужчина! Спросил, замужем ли я, и тут же сам ответил: «Вы должны быть не замужем». «Почему так думаете?», — поинтересовалась я. «Потому что у Вас очень гладкая кожа на лице. У замужних женщин бывает много морщин», — ответил он. Однако окончательно Шавкат сразил меня следующим комплиментом. Он сказал: «Твои глаза похожи на глаза крокодила, я от них схожу с ума!» Подобными эпитетами меня еще никто не награждал. Я разразилась гомерическим смехом на весь магазин, а он недоуменно спросил: «Вы разве никогда не видели крокодила?»

Я смеялась так громко и заразительно, что с улицы забежали сразу несколько иностранцев. Увидев в моих руках симпатичного слоника, они все ринулись к слоновьему стаду. На вопрос, сколько стоит слоник, Шавкат, не моргнув глазом, выпалил: тысяча рупий. На самом деле он стоит 350 непальских рупий. Восток — дело тонкое!

Эпилог

Первое знакомство с Непалом состоялось. Оно было приятным и полезным. Не знаю, приеду ли в эту страну во второй раз, но по традиции, которую соблюдаю в каждой стране, оставила в гостиничном номере кусок российского мыла и незаконченный флакон духов «Пани Валевская», запах которого в этом регионе не воспринимается столь восторженно, как в России. Говорят, надо что-то оставить, если хочешь вернуться.

Накануне моего отъезда из Катманду с улицы доносились песни группы «Бонни М», которая была чрезвычайно популярна в середине 1980-х. Это было время моего питерского студенчества. Тогда, будучи студенткой восточного факультета, я могла только мечтать о таких странах, как Индия и Непал. Сегодня они стали для меня реальностью. Юношеские мечты осуществляются, если идешь к ним последовательно и неустанно.

В воспетой Рерихами долине Куллу

С творчеством Рерихов я знакома лишь на дилетантском уровне, поэтому не осмелюсь считать себя их поклонницей. Однако, хорошо знакома с литературными трудами Елены Рерих, в которых она проявила себя как талантливый переводчик, изумительный литератор и просто неординарная женщина, сумевшая найти себя в другой этнической среде и именно этим оставившая яркий след в своей собственной русской культуре.

Посещая музей Рерихов в Москве, помню, я долго наслаждалась их полотнами, на

которых отражены великолепные пейзажи и неповторимые образы жителей долины Куллу. От этих картин веяло особой энергетикой, они были насыщены этническим колоритом и изысканной, только им присущей, индивидуальностью. Уже тогда подумала: если в будущем снова окажусь в Индии, непременно посетю Рериховские места, чтобы своими глазами увидеть то, что вдохновляло этих поистине творчески одаренных людей.

В 2005 году сложились благоприятные обстоятельства для осуществления задуманного. По научным делам я оказалась в Дхарамсале, откуда доехать до Куллу и известного всем Наггара, где долгое время жили и творили Рерихи, не составляет большого труда. Обычный рейсовый автобус доставил меня до небольшого города Патликул, где я взяла рикшу и доехала до Наггара.

Передо мной открылись красоты этой маленькой деревеньки, расположенной в удивительно живописной местности. Мне показалось, что я попала в самую настоящую деревенскую идиллию, где было тихо и спокойно, никто никуда не спешил. Я сняла комнату в первой попавшейся гостинице семейного типа. Семья, которая сдала мне жилье, состояла из мужа и жены, их взрослой дочери и годовалой внучки. Последняя была совершенно сказочным созданием, она сама просилась мне на руки, широко улыбалась и бурно реагировала на знаки внимания. Я попала в семью к простым людям, которые искренне радовались возможности общения с гостьей из далекой России.

К россиянам местные жители привыкли давно, потому что они здесь постоянные гости. В основном приезжают небольшими группами из самых разных уголков России, чтобы посетить усадьбу Рерихов, которая официально именуется «Международным мемориальным трестом Рерихов». Директором и куратором этого комплекса является наша соотечественница Алена Адамкова, кандидат философских наук,

человек, влюбленный в Индию и в творчество великих художников. Она фактически выполняет роль посла России в Наггаре, поддерживая и развивая тем самым исторические культурные связи между нашими странами.

Алена показала мне весь комплекс. Он пока небольшой, в будущем здесь планируется строительство целого студенческого городка с международным статусом, где молодежь из разных стран будут обучать так называемым изящным искусствам: живописи, танцам, музыке и театральному искусству. Уже делаются первые уверенные шаги в этом направлении. Я лично посетила все классы, где местные дети в возрасте от 6 до 18 лет увлеченно занимались каждый своим делом: кто рисовал, кто танцевал, кто пел.

Прошлась я также по дому Рерихов. Белое деревянное здание, построенное в стиле русской усадьбы, которое раньше видела только на картинках, выглядело одиноким и заброшенным. Надпись на ней гласила: «Уважаемые гости! Ходите тихо и осторожно. И не больше 20 человек за раз, иначе дом может рухнуть». Усадьба действительно требует реставрации и обновления. Однако ее содержимое, на мой взгляд, представляет уникальную ценность. Здесь все сохранилось именно так, как было при Рерихах. По сути это музей, который надо привести в надлежащий вид. Алена сказала, что этот вопрос сейчас изучается послом России в Индии. Очевидно, в ближайшее время будут выделены средства на реставрацию усадьбы.

Рериховский мемориальный трест, пожалуй, единственная в Наггаре достопримечательность международного уровня. Ни один иностранный турист не обходит его стороной, не говоря уже о русскоязычных людях. Во время моего пребывания здесь открылась выставка украинского художника Владимира Козаря, с которым удалось лично познакомиться. В его работах явно присутствовало влияние творчества Рерихов. Сам художник не отрицал этого факта.

Кроме Алены Адамковой, есть еще два иностранца в Наггаре, которых я отнесла бы к категории экстраординарных людей. Это француз, которого все зовут Джилом. Он уже давно обосновался в этих краях, женился на местной красавице и родил с ней двух очаровательных дочерей. Открыл свою частную гостиницу, свободно владеет местным языком, носит национальную одежду жителей долины Куллу.

Вторая неординарная личность — это доктор Вангмо, тибетская монахиня венгерского происхождения. Она давно приехала в Наггар и открыла здесь свою клинику, потому что имеет диплом европейского врача. Она имеет индийское гражданство и даже не думает возвращаться в Европу. Доктор Вангмо прекрасно нашла себя в Индии. Заметив, как я слегка шмыгаю носом, она предложила: приходите ко мне в клинику, я дам вам лекарство. В ее желании помочь мне было много искренности и человеческой теплоты.

Особо стоит сказать о жителях долины Куллу. Они внешне не похожи на индийцев, в их антропологическом типе заметно присутствие азиатского влияния. Среди местных женщин часто можно встретить настоящих красавиц. Они не крупные, миниатюрные, общительные. Всегда носят шаль местного производства, которая служит им и накидкой, и пальто одновременно. Мужчины у них крепкие, веселые и, кажется, очень большие оптимисты. Те и другие смуглые, хотя светлокотые среди них тоже встречаются. Все общаются на своем языке, который называется куллу.

Сама долина Куллу — это нечто, что трудно описать в двух-трех словах. Во-первых, она очень большая. Во-вторых, она невероятно красивая. Едешь в автобусе и видишь с одной стороны горы, с другой — глубокий обрыв, внизу течет река. Сердце так и замирает! По таким дорогам могут ехать только водители экстра-класса, иначе слететь в обрыв ничего не стоит.

Можно понять Рерихов, почему они обосновались именно здесь. Долина Куллу — роскошное место для творческих лю-

дей, она питает их своей энергией, вдохновляет и благословляет. Горы здесь зовут и манят, их таинственный шарм неиссякаем. В разное время суток они выглядят по-разному: то розовые, то голубые, то серые, то бирюзовые. Сразу в памяти всплывают картины Рерихов. Горы, изображенные на них, живые, они дышат и говорят с тобой.

Недаром говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. После посещения Рериховских мест у меня невольно возникло желание поглубже познакомиться с их творчеством. Надеюсь, сделать это после нескольких дней, проведенных в живописной долине Куллу, будет значительно легче.

В пещеру гуру Падмасабхавы

В каждой конфессиональной традиции есть особо почитаемые места, куда постоянно устремляются паломники. Каждый едет туда за тем, что нужно именно ему: больной надеется получить исцеление, бездетные — обрести счастье материнства и отцовства, бизнесмен — умножить свои капиталы, верующие — получить благословение. Знающие люди утверждают, что такие места действительно обладают мощной духовной энергией, она способна исполнять желания и чаяния страждущих, менять их сознание и питать их сердца особым нектаром.

Несколько лет назад в Москве я услышала от своей приятельницы, что недалеко от Дхарамсалы, есть место под названием Тцо-Пема, где находится пещера гуру Падмасабхавы (жил в IX в. н.э.), одного из известнейших и высокочтимых Учителей буддизма. Подруга советовала непременно посетить это место. Оно, по ее мнению, оказывает исключительно благотворное влияние на всех людей, но особенно на тех, кто по рождению принадлежит к буддийской культуре. В ее доводах я несколько не сомневалась, и однажды отложив все дела, направилась в сторону этой пещеры.

Питерский художник-танкописец Саша Кочаров, много лет живущий и работающий в Индии, подробно объяснил мне

как надо до нее доехать: «Езжай до города Манди, там сделай пересадку на автобус в Ревалсар. Если поедешь обычным общественным транспортом, это будет напоминать поездку из Кызыла в Шагонар. В Ревалсаре остановись на пару дней, чтобы насладиться энергией этих мест. До пещеры Падмасамбхавы пешком не дойдешь, надо взять такси и подняться до нее».

Маршрут мне показался несложным, я легко запомнила все детали и ринулась в путь. «В Ревалсаре есть пещера Мандаравы, супруги Падмасамбхавы. Там темно и сыро, очень специфическое место. Можешь на три дня засесть там в ретрит», — иронично напутствовал бурятский монах Жигжит. «Так и сделаю», — ехидно ответила я.

Путь от Дхарамсалы до Манди пролетел незаметно, дорога оказалась хорошая, автобус ехал быстро, подбирая по пути всех, кто ехал в том же направлении.

Из Манди до Ревалсара ехали долго и нудно, хотя расстояние было небольшим, потому что дорогая была никакая, то кочки, то ямы. Пассажиры, которых подбирал водитель, были на редкость колоритны. Представители народа в любой стране несут на себе особый этнический отпечаток: по их лицам можно составить обобщенный портрет среднего гражданина страны.

В Ревалсар приехали поздно, было уже темно. Мне ничего не оставалось, как заночевать в гостинице при буддийском монастыре, который находился в двух шагах от автобусной станции. Утром, проснувшись, первым делом вышла на балкон и увидела небольшое озеро. «Это озеро гуру Падмасамбхавы», — объяснили мне местные жители. В нескольких шагах от озера находилась та самая пещера Мандаравы, о которой упоминал Жигжит. Она в тот день оказалась закрытой. Она считается достопримечательностью маленького Ревалсара, не то деревни, не то города.

Взяла такси и подъехала к пещере гуру Падмасамбхавы. Место оказалось действительно удивительным: стояла звенящая тишина, пропитанная особой энергией,

кругом ни души, за исключением двух-трех иностранцев, среди которых оказалась и я, и нескольких тибетских монахинь, живших в скромных кельях возле пещеры.

Я вошла в большую пещеру, которая состояла из трех отсеков. В ней установлен свет, чисто и сухо, но довольно прохладно. Во втором отсеке возвышалась статуя Падмасамбхавы, вокруг которой горели свечи и благовония. Перед статуей на подушке сидела европейская барышня и вслух напевала мантры. Ее голос звенел как колокольчик. Она явно практиковала здесь. Чувствовалось, что она не новичок в буддизме. Уж слишком все грамотно и усердно она исполняла. Мое присутствие несколько не смущало ее, она не находила нужным прекращать практику. Чтобы не мешать, я прошла в третий, более глубокий отсек пещеры. Он оказался меньше, и там тоже была статуя Падмасамбхавы, но значительно меньшего размера. Я села перед ней и попыталась сосредоточиться на чем-то одном. Вдруг поймала себя на мысли, что никаких мыслей у меня нет. Все попытки думать о чем-то конкретном заканчивались тем, что ни о чем не могла думать. Я вроде бы есть, и в то же время меня нет. Вот такое ощущение я испытала в этой пещере.

Выйдя из нее, направилась в маленькую пещеру, которая находилась недалеко и почему-то называлась «тайной пещерой гуру Падмасамбхавы». Она оказалась совсем маленькой, там сидела тибетская монахиня. Она молча подала мне подушку для сидения, я восприняла это как приглашение составить ей компанию.

Да, практик из меня, конечно, никудышный, однако сделала очередную попытку сосредоточиться на чем-то одном. «Надо думать о благе всех живых существ», — дала я себе внутреннюю команду. И вдруг поток мыслей в этом ключе пошел с удивительной легкостью. В какой-то момент захотелось подумать о себе любимой, но из этого ничего не вышло. Находясь в этой пещере, невозможно думать о чем-то мелком, личном, корыстном и суетном. Здесь мысли непроизвольно становятся

глобальными, всеохватывающими. Вот где надо проводить встречи современным политикам. Здесь ни одному не придет в голову мысль поправить дела своей страны за счет ущемления интересов другой.

Выйдя из пещеры, увидела ту самую европейскую барышню. Она сидела вместе с тибетскими монахинями и пила чай. Они и меня пригласили на чашку чая. Разговорились. Иностранку звали Елена-Мария, она приехала из Финляндии, давно занимается буддизмом, уже месяц как живет здесь и практикует. «Что вам дает эта практика?» — спросила я Елену-Марию. «Я обретаю спокойствие ума и внутреннюю непоколебимость», — ответила она.

Ужасно не хотелось покидать это место, оно действовало умиротворяюще. Здесь время ощущалось иначе: нет ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее. Такие понятия, как рождение, смерть, страдание, неведение полностью теряют здесь свою актуальность. Их на самом деле нет.

Монахини уверяли, что, что живя рядом с пещерой гуру Падмасамбхавы, они получают хорошие отпечатки в сознании, которые непременно проявятся в их будущих жизнях. Они не просто верят в это, они живут этим.

Возвратившись в Дхарамсалу, я вернулась к своей обычной работе. Работалось удивительно легко и приятно, новые творческие идеи посещали с такой частотой, что еле успевала воплощать их в жизнь. Чувствовалось благотворное влияние той энергии, что питает местность Тцо-Пема.

Однажды во время беседы с Его Святейшеством Богдо-гэгэном IX я спросила его о значении святых мест в буддизме. Расплывшись в свойственной ему мягкой улыбке, он сказал: «Они оказывают исключительно положительное влияние на состояние умов тех, кто там живет, либо посещает их. Эти места обладают невероятной силой. В чем это выражается? Прежде всего, в том, что находясь непосредственно там, вы на какое-то время абсолютно отключаетесь, полностью забываете свою сансарическую жизнь и пребываете в состоянии не-мыс-

ли. В этот момент вы получаете благословение этих мест. Постепенно у вас меняется сознание, отношение к жизни. Влияние трех ядов (гнев, страсть, неведение), отравляющих ум, заметно ослабевает. Ум переключается на более тонкие уровни. Пути Сансары уже не так сильно сковывают вас. Невозможно грубым физическим зрением увидеть, что исходит от таких мест, но можно почувствовать их благотворное влияние на состояние наших умов. Поэтому время от времени совершать паломничество в святые места просто необходимо, потому что они благословлены буддами».

Меня в этом убеждать не надо, я это испытала на личном опыте.

Вместо эпилога

В этнографии существует понятие «национальный характер», который отражает наиболее распространенные черты того или иного народа. Действительно, если внимательно посмотреть, каждый народ представляет собой нечто уникальное и неповторимое, что отличает его от всех остальных. Именно в этом и состоит вся прелесть, загадка и этнический колорит.

По долгу службы мне иногда приходится долгое время жить и работать в другой стране, где каждодневный контакт с его жителями становится той реальностью, которая дает постоянную пищу для размышлений. В последние годы я неоднократно вела полевые исследования в Индии.

Помню, работая до этого в Кембридже, я часто включала специальный канал британского телевидения, где давался длинный перечень так называемых неблагонадежных стран, куда туристам не рекомендовалось ездить. Индия и Россия в этом списке находились рядом, за ними шли африканские страны. Тогда я и предположить не могла, что в будущем окажусь в Индии.

Когда я приехала в Индию впервые, многие иностранцы давали мне советы следующего характера: в автобус вместе с индийцами не садись, в поездах никаких

угощений от них не принимай и вообще держись от них подальше. Для сгущения красок рассказывали жуткие истории, как одного иностранца обманули, второго усыпили и ограбили в поезде, третий заразился малярией, четвертый вообще пропал без вести. Я внимательно выслушивала эти страшилки, но при этом никакого внутреннего страха не испытывала. Мне казалось, что все это слишком преувеличено.

Некоторые иностранцы заикливались только на грязи и запахах. Надо заметить, что этого добра более чем достаточно в Индии. Другие, напротив, были в диком восторге от страны, они здесь чувствовали себя превосходно и прекрасно ладили с местным населением. Их Индия не пугала и не отталкивала, она их завораживала и притягивала. Одним словом, страна каждому открывалась по-своему, каждый получал здесь свой опыт. Мне предстояло открыть для себя свою Индию.

Прожив в этой стране достаточно долго, я поняла, как мне кажется, суть индийского характера. Индийцы в общей своей массе невероятно добросердечны, и это проявляется буквально во всем. Приведу лишь несколько примеров из своей практики, ибо личный опыт всегда бесценен.

Замечу сразу, индийцы к иностранцам относятся весьма доброжелательно. Ни разу не было такого, чтобы я на улице незнакомого города заблудилась. Как только чувствовала замешательство, ко мне тут же подходили совершенно незнакомые люди и предлагали: мадам, вам помочь? Бывало так, что прямо подвозили к тому месту, куда мне надо было попасть, и никаких денег за это не брали. Однажды я села в общественный транспорт, которым иностранцы принципиально не пользуются. Моим попутчиком оказался местный житель, мужчина лет шестидесяти, очень колоритный. Он был настолько любезен, что оплатил мой проезд. Попытка расплатиться с ним с треском провалилась, он сказал: ты мне

как дочь, неужели отец не может заплатить за дочь?

Общественный транспорт в Индии очень надежный и безопасный. Люди в нем ездят простые и добрые. Кондуктор, если видит, что в автобусе иностранка, считает своим моральным долгом проявлять заботу о ней. Так было со мной всю дорогу от Дхарамсалы до Патликула. Когда автобус по пути делал остановку, кондуктор подходил и говорил: мадам, здесь мы будем стоять 30 минут, вы можете выпить кофе, закусить. В другом случае предупреждал: мы здесь всего на 10 минут, так что далеко не отходите.

Когда надо ехать на поезде, я всегда брала место в вагоне эконом-класса. В них едет средний класс. Иностранцы обычно предпочитают специальные вагоны, чтобы не вступать в контакт с местным населением. Я же наоборот, предпочитаю быть в гуще народа. Путешествие поездом в такой огромной стране как Индия не ограничивается несколькими часами, оно длится сутками. За это время попутчики расспросят тебя обо всем (откуда ты, куда едешь, кем работаешь, что делаешь в Индии), несколько раз угостят орешками, индийскими сладостями, фруктами. И все это делается от чистого сердца, без всякой задней мысли. Заодно каждый с удовольствием расскажет о себе, своей семье, даже о родственниках. Заподозрить этих простых людей в том, что они что-то против тебя замыслили, просто невозможно. Их сердца открыты нараспашку.

Как-то я ехала в Джайпур, в столицу Раджастана, в составе местной туристической группы. В основном это были супружеские пары. Среди них оказались два иностранца — я и парень из Малайзии. Гид, которого звали Радж, все экскурсию провел на английском языке. В приватной беседе он сказал, что специально говорил медленно, чтобы мы, то есть я и малазиец, лучше усвоили информацию. Сами же индийцы, которые ехали вместе с нами, всю дорогу оказывали нам знаки внимания.

Они покупали лепешки, отламывали их и угощали нас. Трудно представить, чтобы нечто подобное происходило на Западе.

В Дхарамсале, где жила постоянно, у меня были дружеские отношения с одним торговцем овощами и фруктами. Он приносил мне в дом самые спелые и сочные папайи, потому что знал, что я люблю их. Однажды застав меня в простуженном виде, он принес каменную соль, чтобы я пополоסקала горло. Это был его добровольный жест. Другой торговец, который держал небольшую лавчонку, всегда оставлял мне баночку керда — кисло-молочного продукта, чем-то напоминающего наш йогурт. Он тоже делал это добровольно. Не думаю, что я была для них исключительной особой, они так поступают со всеми своими постоянными покупателями. Это не столько отношения между продавцом и покупателем, сколько проявление заботы о другом человеке.

Есть еще одна черта у индийцев, которая мне очень импонирует. Они очень любят детей. Дети для них — это маленькие боги, которых берегут, лелеют и холят. Их всегда носят на руках. Я ни разу не видела детских колясок. Похоже, их в стране вообще не производят. Далай-лама как-то писал, что дети, находившиеся с младенчества в тесном телесном контакте со своими родителями и получавшие таким образом незримую энергию любви от них, вырастают добрыми и счастливыми людьми. Индийские дети, как правило, спокойные, не капризные и неприветливые. «Шелковые» — сказали бы о них в России.

Озлобленных индийцев я ни разу не встречала. Надо иметь очень богатое воображение, чтобы представить их такими. Обратила внимание, что в индийских фильмах роль главных злодеев исполняют артисты с очень добрыми лицами. Когда они на экране изображают то, чем они на самом деле не являются, получается нечто комичное. Одним словом, получается индийское кино.

За время общения с индийцами я ни разу не услышала от них критику в адрес своего правительства. Дело не в том, что оно у них безупречно, а в том, что все здесь озабочены своими проблемами. Проблем, надо сказать, вполне хватает. Однако при этом никто не жалуется на скверную жизнь, низкую зарплату, плохую погоду, несчастную судьбу. Здесь каждый доволен своей жизнью. Бизнесмен, который делает большие деньги, и торговец зеленью, доход которого за день в лучшем случае может составить 150 рупий (около 4 долларов США), никогда не скажут, что обделены в этой жизни, потому что они таковыми себя не чувствуют. Глядя на них, невольно вспоминаешь восточную мудрость, которая гласит: беден не тот, кто не имеет, беден тот, кому мало.

Отношение индийцев к Соне Ганди, вдове покойного премьер-министра Раджива Ганди, итальянки по происхождению — особая тема. Ее здесь все считают за свою. Избрав ее в члены индийского правительства, народ доверил ей свою судьбу. При этом никто не предъявляет к ней претензий по поводу ее иностранного происхождения, эта тема даже не обсуждается. Да и сама Соня, надо заметить, на высоте. Она свободно говорит на хинди, всегда

ходит в сари, понимает, уважает и любит индийцев. Последние отвечают ей полной взаимностью.

Индия — перенаселенная страна. Если едешь в автобусе или в поезде, они всегда переполнены. Если ходишь по рынку, то вокруг тебя яблоку негде упасть. Бывает, что случайно наступишь кому-то на ногу, кого-то заденешь или толкнешь ненароком. На такие вещи индийцы реагируют более чем спокойно, они не возмущаются, не закатывают скандалов и истерик, а просто говорят: ничего страшного, мадам. Никакой агрессии, наоборот, полная терпимость. Есть чему учиться у этого народа нам, россиянам, для которых малейшее неудобство в общественных местах может стать источником больших проблем.

Теперь я понимаю, почему великий гуманист XX века Махатма Ганди родился именно в такой стране, как Индия. Это сердце нашей планеты, здесь присутствует неиссякаемая энергия мудрости. Там где есть мудрость, там есть терпение и великодушие, любовь и сострадание. Это страна подлинной демократии, потому что она не на лозунгах, а в сердцах людей. Когда индийцы говорят, что живут не умом, а сердцем, я им верю на слово.